

Клавдия Владимировна Лукашевич

Барин и слуга

Клавдия Лукашевич
Барин и слуга

«Public Domain»

1901

Лукашевич К. В.

Барин и слуга / К. В. Лукашевич — «Public Domain», 1901

«Андрей Иванович Новоселов был профессор ботаники. Уж много лет жил он вдвоем со стариком слугою, Михеем Захарычем, в небольшом доме-особняке на окраине столицы...»

© Лукашевич К. В., 1901

© Public Domain, 1901

Содержание

I	5
II	8
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Клавдия Владимировна Лукашевич

Барин и слуга

I

Андрей Иванович Новоселов был профессор ботаники. Уж много лет жил он вдвоем со стариком слугою, Михеем Захарычем, в небольшом доме-особняке на окраине столицы.

Андрей Иванович был старик невысокого роста, довольно полный, румяный, с добрыми близорукими глазами. Он носил очки, а в экстренных случаях, кроме очков, надевал еще на кончик носа пенсне. Длинные, выющиеся, с сильной проседью волосы Андрей Иванович зачесывал назад; иногда эти волосы отрастали до плеч, что придавало профессору вид художника, каких рисуют на портретах.

Андрей Иванович ходил медленной походкой, говорил тихо, мягким, приятным басом, в разговоре часто останавливался и задумывался.

Его слуга, Михей Захарыч, был гораздо старше барина. Это был человек высокого роста, сутуловатый и худой, как скелет. Его худощавое, в морщинах, лицо, с тонкими, строгими чертами, все обросло густой белой бородой, небольшие карие глаза смотрели открыто и пронизательно; он был похож на святочного деда, которых ставят под елками. Двигался он очень быстро и делал все проворно, а если начинал говорить, то всякий обращал на него внимание. Он говорил самым высоким, тонким голосом, что совсем не гармонировало с его седой, нахмуренной фигурой.

Андрей Иванович очень любил общество, особенно молодежь, и шел навстречу к людям с открытой душой. Он был приветлив в обращении, до крайности деликатен и до крайности рассеян.

— Отучайтесь от рассеянности, — говаривал не раз старик профессор своим ученикам. — Берегитесь этого зла, этого несчастья... В молодых годах можно во всем переделать себя... Рассеянность принесла мне в жизни много огорчений и конфузов; благодаря этой злополучной черте моего характера я не выполнил и сотой доли того, что бы мог сделать при моих знаниях.

Начинались бесконечные рассказы о рассеянности, которые всегда вызывали много смеха; но для виновника рассеянности в жизни часто кончалась очень печально.

Михей Захарыч, в противоположность барину, был человек сосредоточенный, всегда все помнил, все знал, был молчалив и мрачен и к людям относился с большим недоверием.

Андрей Иванович был старый холостяк. Михей Захарыч был женат: у него в деревне жила старуха жена, которую он изредка навещал. Он всю жизнь жил очень скромно, отказывал себе, часто в необходимом, и копил деньги. Он собирался выстроить в деревне своей старухе избу, чтобы и «самому можно было на старости лет в трудовом углу преклонить голову», как он всегда говорил.

Несмотря на такое различие характеров, Михей Захарыч служил у Андрея Ивановича более тридцати лет. Время немалое. Они так сжились, так привыкли друг к другу, что, казалось, дня не могли обойтись один без другого. Многие находили, что у них и в разговоре минере ходить, в обращении, в привычках проявлялось что-то общее.

Было, впрочем, нечто в жизни на чем барин и слуга сблизались, что оба понимали и любили и в чем никогда у них не было разногласий.

Андрей Иванович страстно любил природу. При виде распускающихся почек весной, при виде журчащих ручьев, голубого неба и летящих в вышине стай он приходил в неопи- санный восторг.

– Ах, Михеюшка, смотри, какая благодать! – говаривал он.

Слугу своего он называл то «Михеюшка», то «Захарыч».

– Вот, Михеюшка, красота жизни, смысл и радость. Что может быть лучше?

– Конечно, ничего не может быть лучше! – соглашался Михей Захарыч.

Если взгляды профессора случайно останавливались на широкой улице, он всегда думал: «Хорошо бы здесь насадить бульварчик.»

Если он смотрел на площадь, то неизменно говорил:

– Здесь бы необходимо было развести садик.

– Верно. И польза и удовольствие! – соглашался Михей Захарыч.

Андрей Иванович горячо любил свою профессию и до старости лет увлекался ею, как юноша. Он думал, что самое высшее благо в жизни есть знакомство с природой и изучение естественных наук. Он был уверен, что человек, который не любит природы и не интересуется ботаникой, зоологией, физикой, химией, – непременно человек черствый и бессердечный, и что все зло на свете происходит оттого, что в жизни и в школе мало изучают естественные науки.

Михей Захарыч обо всем вышесказанном думал точно так же.

– Последнее дело – не любить цветы. Что же и любить-то после этого... Какая же радость... Без цветов и квартира точно тюрьма, – говаривал он, если ему рассказывали, что такой-то не любит цветов.

Когда Михей Захарыч слышал, что человек скучает или расстроен, он всегда советовал:

– Ботаникой бы занялся... либо в микроскоп посмотрел... Хандра бы и прошла. Не любят дельного занятия, вот и скучают...

Если Михей Захарыч приходил покупать что-нибудь в магазин, он непременно спрашивал вещь зеленого цвета или «где побольше зеленоватого».

– Зеленый цвет – хорошо, – говаривал он. – Летом – деревья, трава тоже зелененькие... Весело!..

По этому поводу у них с баринком в квартире преобладающий цвет был зеленый: занавески на окнах, мебель, абажуры на лампах – все было зеленое. Михей Захарыч даже ухитрился купить своему барину халат с зелеными отворотами и кистями, зеленое одеяло, зеленую чашку для кофе и столовый сервиз белый с зелеными ободками.

Если кто-нибудь указывал профессору на его пристрастие к зеленому цвету, он шутя отвечал:

– Нельзя иначе... Мой Захарыч не позволит купить что-нибудь другого цвета... Зеленый цвет – господствующий в природе, и мы ему поклоняемся.

– Полезно для глаз... – замечал Михей Захарыч.

Андрей Иванович с Михеем Захарычем уж много лет жили на одной и той же квартире. Дом этот принадлежал вдове-генеральше, которая жила со множеством собак в отдельном флигеле. Старушка генеральша очень дорожила тихими и аккуратными жильцами.

– Я у них, как у Христа за пазухой, – говорила она. – Да и безопасно мне. Все-таки мужчины в доме. Я ими, как брильянтами, дорожу.

Андрей Иванович и Михей Захарыч тоже очень дорожили своей квартирой. Они считали себя в доме чуть ли не хозяевами и распоряжались всем, как хотели. На дворе, на пустопорожном месте, Андрей Иванович развел прелестный садик, устроил там грот и фонтан. Много трудов и забот было положено барином и слугою на этот сад, много часов проводили они тут весной, летом и осенью, – сажали какие-то редкие кусты, необыкновенные цветы. И каждый кустик, каждое деревце были для них как нежно любимые, взлелеянные дети.

Квартира Новоселова состояла из четырех комнат. Одна была спальня хозяина, другая – столовая, третья – комната Михея Захарыча и четвертая – угловая, самая большая, светлая,

как фонарь, – была любимая комната барина и слуги и называлась лабораторией. Михей Захарыч называл ее «наша лаборотория»: иначе выговорить ему казалось трудно.

II

Раннее утро. Осеннее солнце тускло глядит своими холодными лучами в маленькую столовую Новоселова. Андрей Иванович в халате сидит в кресле у окна. Отхлебывая короткими глотками кофе, он читает газету. Кругом хотя и просто, скромно, но чисто и уютно. Мебель в столовой легкая, гнутая, на окнах цветы, по стенам гравюры, изображающие пейзажи. На двух диванах, стоящих у стен, лежат неубранные постели. Видно, что кто-то тут ночевал.

Михей Захарыч озабоченный ходит по комнате с вицмундиром на руке, смахивает пыль и про себя разговаривает:

– Сегодня вторник... Значит, одна лекция у нас в «ниверситете» и две на курсах... О листьях, говорил, будет читать... А на курсах-то про клеточку... Так и принесем из «лаборатории»...

Он скрылся в соседнюю комнату и скоро вернулся оттуда с двумя узкими, длинными коробками, с книгами и с футляром в руках.

– Андрей Иванович, пора... – сказал он, посмотрев на часы.

– Сейчас, Михеюшка, сейчас. Вот только фельетон дочитаю...

– После дочитаете... Извольте манишку одевать. – не допускающим возражений тоном говорил слуга и останавливаясь перед барином.

– Ну, хорошо, давай, – добродушно откачал Андрей Иванович, принимая из рук слуги манишку. – Что, бишь, я тебе хотел сказать? – припоминал он, потирая себе лоб рукой.

– Чтоб я вам листья принес?

– Да, да... Верно, Михеюшка. Спасибо, что напомнил...

– Вот книги... Тут атлас, а тут листья... Разные засушены. – указал Михей Захарыч на белые коробки.

– Что-то я еще хотел сделать?! Такая память, просто беда! Сгубила меня эта рассеянность!

– Хотели препараты приготовить... О клеточке будете читать... Тут и микроскоп и стеклышки.

– Так, так, Михеюшка! Ты у меня золото, а не человек... Пропал бы я без тебя, – говорил Андрей Иванович, проворно развертывая какие-то стекла и осматривая в футляре микроскоп.

Михей Захарыч стоял около него серьезный и сосредоточенный, с вицмундиром в руках, выжидая удобного случая. Как только он заметил, что барин оторвался от работы и задумался, он быстро протянул ему вицмундир.

– Извольте одеваться, Андрей Иванович. Пора... – сказал он, как-то особенно взвизгнув.

Андрей Иванович одевался медленно, видимо что-то обдумывая, и поминутно заглядывал в открытую книгу, лежавшую на столе.

– Портсигар возьмите. Тут ваша записная книжка, вот часы, вот портмоне... Платок носовой не забудьте... А не то опять, как намердись, положите в карман чайное полотенце... Срам ведь!.. Студенты засмеют, – ворчал Михей Захарыч, подавая барину то одно, то другое.

– Спасибо, спасибо, Захарыч, – торопливо творил Андрей Иванович, одеваясь.

Собрав барина, Михей Захарыч выпускал его из двери и долго провожал заботливым взором. Иногда и отойдет уж далеко, как старик слуга заметит его оплошность.

– Андрей Иванович, вернитесь, вернитесь! – кричит он на всю улицу из окна. – Вы без калош ушли... простудитесь! Сегодня сыро...

И барин покорно возвращался.

Когда Андрей Иванович уходил на службу, Михей Захарыч начинал хозяйничать. В это время к ним приходила поденщица, старуха Марья, которая им стирала белье, мыла полы и стряпала.

Михей Захарыч не любил, чтобы в доме жила «баба» как он выражался.

– От них только сор и беспокойство, – говаривал он. А барину его было решительно все равно, и он охотно держал старуху-поденщицу, которая являлась к через день.

Михей Захарыч по утрам наскоро убирал комнаты отправлялся в «нашу лабораторию». Как только он переступал порог этой комнаты, вышние лица его моментально менялось: из сумрачного и нахмуренного оно становилось довольным и ласковым. Он с особенной нежностью и заботой оглядывался кругом.

Лаборатория была высокая, большая, светлая комната в четыре окна. Она была вся выкрашена бледно-зеленой масляной краской и казалась от этого еще светлее и чище.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.